

18+

КАРА ШАХА

НЕ ЛОЛИТА

Кара Шаха
Не Лолита

«Издательские решения»

Кара Шаха

Не Лолита / Кара Шаха — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-559984-1

Закопала. На заднем дворе когда-то нашего дома. Больше нет красавчика Максима. Больше нет их. Больше вообще ничего нет. Айсель приняла душ, по обыкновению сложила вещи в стиральную машину. Заметила, что на машинке лежит чье-то ажурное белье. Не было злобы, не осталось ничего. Ее путь лежал к океану и всю свою последнюю дорогу жизни она думала об одном маленьком человечке. О сыне. Сможет ли он когда-нибудь ее простить. Она будет об этом молиться.

ISBN 978-5-00-559984-1

© Кара Шаха
© Издательские решения

Содержание

НЕ ЛОЛИТА	6
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Не Лолита

Кара Шаха

© Кара Шаха, 2022

ISBN 978-5-0055-9984-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НЕ ЛОЛИТА

1.

Я выключил монитор, откинулся на спинку стула и закрыл глаза. За окном завывал ветер: я обожаю метели, бури, непогоду. Я люблю ненастье во всех его проявлениях: только бы не видеть солнце и жару – я ненавижу их с самого детства. С того самого дня, как остался один в каком-то Кейптаунском приюте: мама не пришла за мной после школы. Я до сих пор помню те мгновения: сначала я плакал, потом забился в истерике, потом просто молчал и не ел, а потом за мной прилетел папа. И заснеженная Россия на многие годы стерла из моей жизни те воспоминания и ту жизнь. Даже сегодня, будучи уже взрослым мужчиной, иногда мне кажется, что Африка, палящее солнце и все то, что там происходило, мне просто приснилось.

Тогда со мной работало много психологов: правда, как по мне, так они наоборот вытаскивали из глубин моей раненой детской души, моменты, которые я хотел забыть, как страшный сон. Как итог: я стал моргать. Сейчас мне почти 40 и, когда я начинаю нервничать, то мой детский недуг дает о себе знать.

Иногда, ловя свое отражение в зеркале, я вижу обычного мужчину средних лет, симпатичного, юморного и улыбчивого, а иногда, вдруг, незаметно проскальзывает тот испуганный мальчишка. Я пытаюсь ухватиться за этот затравленный взгляд, остановить мгновение, вытащить его наружу и прижать к себе: крепко-крепко, но он ускользает, исчезает, как будто боится, что я поймаю его и выкину из души навсегда. Да нет же, я никогда тебя не обижу, ты часть меня, и я тебя давно принял и полюбил, несмотря на то, что десятки лекарей душ пытались «убить» тебя во мне». Как же можно убить того, кто помнит маму, ее тепло и ласку, того, кому посчастливилось провести с ней то драгоценное время.

Что произошло с мамой: об этом я узнал от отца, когда мне исполнилось 15 или 16 лет. Он не стал ничего скрывать и приукрашивать. Я благодарен папе за то, что несмотря на эту нашу семейную трагедию, ни в одном его слове я не услышал ни капли упрека в ее адрес. Наверное, это и есть настоящая безусловная любовь. Когда я закрываю глаза, то вижу ее загоревшую кожу, которую она пыталась всячески смазывать кремами, но от южного африканского солнца, она все равно почернела, как будто закоптилась. Я помню ее волосы – черные, как смоль и красивые голубые глаза. Ее губы. Она всегда улыбалась: а когда она подходила ко мне и нежно обнимала, я чувствовал, что от нее пахнет персиком или розой – она каждые полчаса принимала душ, потому что очень тяжело переносила жару. Мама всегда красиво и со вкусом одевалась: даже там, в Африке, она умудрялась оставаться женственной: тонкие хлопковые штаны оливкового цвета, льняной топ персикового цвета и сандалии из коричневой кожи, которые красиво обнажали ее тонкие ухоженные пальцы ног всегда с идеальным педикюром – именно такой я ее и запомнил.

Только за несколько недель до трагедии, я стал замечать, что она стала часто плакать, однажды с ней даже случилась истерика – она выбежала из нашего дома, если так можно было назвать комнату, в которой нас приютила мамина подруга и приказала мне никуда не выходить, сказала, что сходит к океану и вернется.

Помню, тогда я впервые почувствовал себя одиноким – я так испугался этого чувства, что не хотел больше никогда в жизни его испытывать, потому что моя мама всегда была со мной рядом. В любых обстоятельствах. Если бы я знал, что страх одиночества скоро станут мои постоянными спутниками, я бы ни за что не поверил.

Я ненавидел мужчину, ради которого мама оставила папу: это с ним мама стала часто ругаться, а потом он просто ушел, и сказал, чтобы мы нашли себе новое место жительства,

а лучше, если бы мы вернулись в Россию. Тогда-то мы и переехали на окраину Кейптауна, хотя до этого жили в приличном доме вместе с мамой и ее новой любовью.

Сейчас я удивляюсь, с какой скоростью мы собирали наши чемоданы и меняли континенты и города: суровую Россию сменил жаркий Кейптаун с красивым домом и прохладными деревянными полами, по которым было так приятно ходить босиком. А потом этот дом быстро сменился маленькой комнаткой на окраине города. Как она умудрялась так быстро нас собрать? Почему я так этому удивляюсь? Потому что когда мы планируем с Лизой поездку, то до последнего оттягиваем момент сбора чемоданов: это так долго, и сложно, и так нудно. А мама делала все быстро и четко.

Я не знал, почему однажды, мама собрала мои сумки и, сказав, что мы уезжаем в теплую страну, где живут жирафы и слоны, где есть океан, крабы и морские звезды, и где вечное лето, просила попрощаться с папой. Сначала, приключение, которое она мне пообещала, вызвало во мне бурю эмоций о бравом капитане и кругосветном путешествии: наверное, поэтому расставание с папой, с бабаем и эбикой, не стали для меня сильным ударом: я думал, что скоро мы все равно вернемся домой. Когда в аэропорту нас встретил мужчина, который откровенно поцеловал мою маму, не постеснявшись маленького ребенка, я побоялся спросить у нее: зачем дядя летит с нами. Весь полет они целовались и шептались друг-другу что-то на ушко. А когда мы поселились в одном доме и каждый день они закрывались в отдельной комнате – я понял – у мамы новый муж.

Какое-то время меня это мало волновало – наверное, потому, что я был слишком мал, а потом я привык: он месяцами пропадал на своей работе – ездил по африканским странам и собирал какой-то биоматериал. В такие моменты мама принадлежала мне: я обожал это время: мы вместе засыпали и просыпались, вместе гуляли по паркам, ходили к океану. А когда возвращался он, то я снова оставался один: в такие моменты, я часто звонил папе, бабаю и эбике. А потом все это закончилось: мы снова остались с мамой одни.

Сейчас, я часто задаю себе вопрос: почему я ее не осуждаю? Ведь, она, движимая своими низменными инстинктами, не переживая за мою судьбу, отправилась на край света, за мужчиной, с которым просто не имела права быть рядом.

Сейчас я взрослый и все понимаю: у меня нет тяги к семье, да, есть Лиза, с которой мне хорошо, думаю и ей со мной тоже, но семья, отношения, обязательства – нет, увольте. К этому я пока не готов. Может, когда-нибудь. Иногда я смотрю на своего папу: в его глазах до сих пор живет тоска. После мамы он стал закостенелым холостяком, он высох, из него как будто ушла жизнь. Нет. Так я не хочу, не готов.

Поэтому сейчас я не осуждаю маму: для меня она навсегда останется мамой с легкой улыбкой, ухоженная, в тонком топе с брючками, атласной лентой, повязанной на голове или огромной соломенной шляпой, которую, она умела носить, как леди, даже когда решила сажать на заднем дворе дома, какой-то экзотический фрукт: она была похожа на рабыню, которая корчится на плантациях, но при этом все равно оставалась самой прекрасной на свете. От палящего солнца и постоянного прищуривания, ее кожа на лице покрылась морщинками. Она ненавидела солнечные очки и даже здесь не стала их надевать. А как можно осуждать? Что ей оставалось делать? Запрятать в себе то, что у нее возникло и продолжать жить с нелюбимым, хоть и самым преданным на свете человеком? У меня нет четкого ответа на этот вопрос, но, по себе знаю, насильно мил, точно не будешь.

Мой дед, отец моей мамы – всю жизнь считал моего папу Андрея виноватым во всем, что произошло с его дочерью: «Если бы когда-то она не ушла с ним и осталась бы верна традициям и религии – ничего бы этого не случилось». – Он повторял это постоянно. Он никогда не говорил, но я знаю, что бабая очень коробило то, что в моих жилах текла еще и православная кровь моего отца, а в моей маме, его дочери, текла кровь его русской жены, моей бабушки,

которую мне никогда не суждено было увидеть. Похоже он не осознавал, что всегда винил себя за свою слабость, за свою любовь к той, что пришла, как будто от самого дьявола, и что их брак был проклят с самого начала, и что их дочери пришлось так же страдать на этой Земле. Бабай, действительно, так думал. Если бы он знал, что это была просто жизнь, самая обыкновенная, может быть, неудачная и несчастливая, но самая обычная земная жизнь.

Ранее.....

05.00 – На улице уже совсем расцвело и по дороге проезжали первые машины, мимо меня проходили люди, спешившие на работу. Город только просыпался, хотя солнце уже стояло высоко в зените. В Кейптауне всегда так. В каждом, даже самом бедном доме, были жалюзи. Это, как вода – без которой не прожить. Даже самые бедные дома, построенные из дерева, старались недолгой ночью вобрать в себя всю прохладу, что дарило темное время суток, и потом бережно его хранить весь жаркий день. Не хотелось бы, чтобы меня запомнили. Хотя, какая сейчас разница. Я старалась не думать о том, что произошло. Испытывала ли я угрызения совести? Нет. Я не сожалела о содеянном. Ни капли. Добежала до дома и тихонько вошла внутрь. И только дома посмотрела на себя: не запачкалась ли я.

Ярик должен был еще спать, а Маурика не ночевала дома. Быстро приняла душ, приготовила завтрак, тихо, ступая по скрипучему деревянному полу, подошла к сыну, присела на краешек кровати. Удушающая жара, кажется, никогда не покидала Кейптаун: она, как будто проникла в мои ноздри и осталась там навсегда, прихватив легкие: духота была всегда- ранним утром, в обед становилась просто невыносимой, казалось, что вечер должен принести хоть немного облегчения, но, если не было спасительного ветерка, то духота, так и оставалась со мной. Даже ночью я была в ее власти. Хотя, Маурика, да и многие другие, с кем мне довелось пообщаться, говорили, что здесь потрясающий климат: близость океана и гор. Но, мой организм отказывался дышать. Но, я полюбила Кейптаун. Его шикарные кварталы, утопающие в зелени вековых деревьев – иногда казалось, что находишься, не на краю света, а в какой-то европейской зажиточной стране, настолько причудливая, грациозная, я бы даже сказала, богатая архитектура была представлена в этом крайнем городе. Да, я называла Кейптаун – крайним городом, потому что когда подходила к кромке океана, то понимала, что там, вдалеке, край земли. Обожала прогуливаться по кварталам с цветными домиками, дань малазийским колонизаторам. Они причудливо вытягивались в одну линию, которая тянулась вдоль узких улочек, то пропадающих внизу, то вновь поднимающихся в виде извилистой ленты. Некоторые улицы упирались прямо в горы. При внешней идиллии, город был самым опасным во всей Южной Африке. Кейптаун или любили, или ненавидели.

Я могла часами просиживать на лестнице, у нашего прежнего дома и наблюдать за жизнью, которая кипела, бурлила, неслась стремящимся разноцветным, громким, безудержным потоком. Иногда, в минуты счастья, я готова была сама пуститься в пляс вместе с улыбчивыми местными жителями, покупала себе яркую одежду с национальным орнаментом и разгуливала так по городу. Город проник в мои жилы, в мою кровь. И даже если я задыхалась, я жила.

Все эти мысли пробежали в моей голове за те доли минуты, что я готовила сыну завтрак. Посмотрела на него и слезы стали душить меня. Нехотя, разбудила.

Он завтракал и видел, как я за ним наблюдаю, как будто хочу впитать в себя каждое его движение.

– Мам ты чего так смотришь?

– Ничего. Просто люблюсь.

07.15. – Мы вышли с ним из дома, где нас приютила Маурика.

Маурика. Эта потрясающая женщина, которая, казалось, никогда не унывала. Ей и ее родным, когда-то пришлось пережить удушающий расизм, апартеид, безвластие и современное засилье преступности, но при всем при этом она откуда-то находила сила жить и дышать, и при этом я видела, что она искренне радуется своей жизни. Да, у нее не было детей и мужа, но, каждое воскресенье она, красиво повязав платок на своей кудрявой голове и надев потрясающее платье, спешила на воскресную мессу, где, скрестив руки в молитве, отчаянно взывала Богу и благодарила его за жизнь. А вечерами после работы, ходила в местный паб и общалась с мужчинами. У нее даже появился друг, который ей очень нравился. Всю себя она отдавала детям и школе.

Господи, в свои 40 с лишним, я оказалась на другом континенте, без работы и средств к существованию, у меня не было собственной крыши над головой, зато был ребенок, которого я потащила на другой край света, разлучив с родными ему людьми. Я больше не могла выносить этого. Приступы удушья, которые преследовали меня, стали невыносимыми.

Ярик надел свой портфель, и мы двинулись по улицам города..... в сторону школы. Каждый шаг приближения к школе был для меня адом. Я взяла его за руку и прижала к губам. Мимо проносились машины, люди, свистели полицейские. Подул ветер, поднимая пыль. Я протерла глаза, пытаюсь унять, подступавшие слезы.

– Ну все, я побежал, – сын хотел уйти, но я схватила его и снова прижала к себе. И зарыдала. Я разревелась, причем так сильно, что прохожие стали поворачивать голову в мою сторону.

– Мам, ты чего.

– Ничего, прости, – я вытерла глаза. – Иди сынок, и всегда знай, что я тебя очень люблю, и буду любить всегда.

Ярик кивнул головой и побежал в школу.

07.45. – Я пошла в сторону пляжа. Позади осталась Столовая гора. Сегодня она была покрыта гигантской скатертью молочного тумана, нависшего над городом. А рядом громоздились домики-домики-домики, как будто люди пытались победить природу. Куда уж там. Морской бриз немного привел меня в чувство, и я перестала бояться. Я всего лишь маленькая песчинка этого большого мироздания, пыталась повторять я себе под нос.

30 лет назад.

Айсель.

1.

Эбика Назима нежно замешивает тесто. Я с восторгом наблюдаю за тем, как мука и сметана, в сочетании с яйцом и водой, превращаются под ее чуткими руками во что-то мягкое, пышное, теплое. Ничто не пахнет так, как тесто моей эбики. Ее волосы заправлены в белую косынку, поверх домашнего платья повязан фартук. Я заворожено смотрю на ее уши – там висят золотые серьги, в виде полумесяца – кажется, эбика их никогда не снимает. Волосы немного выбиваются из-под косынки, она пытается заправить их обратно и оставляет у себя на лбу белый след от муки. Я начинаю смеяться. Эбика Назима навсегда останется в моем сердце, как что-то родное, теплое и нежное. По сути, она меня и воспитала. Папа Рустам всегда был на работе, бабай умер рано, поэтому, эбика, когда умерла моя мама, все-таки решила перебраться в город: она понимала, что девочке нужна женская ласка и любовь. Но, я часто видела, как она тоскует по деревне, и как только наступало лето, она, схватив меня под мышку, уезжала в свою деревню, к смородине, яркой вишне, и соседским петухам. Дом, промерзший

зимой, с приходом своей хозяйки снова оживал и наполнялся жизнью и запахами, которые я чувствую и сейчас, спустя десятилетия.

Папа так и не женился. Я смутно помню, как умерла мама. Как объяснила мне эбика Назима, она внезапно заболела, и Алла бабай забрал ее к себе на небо. Я помню ее урывками, больше по фотографиям: остались только запахи – от мамы всегда вкусно пахло. Я часто всматривалась в небо, не отрывая глаз, в надежде увидеть маму, которая, как мне казалось, должна была сидеть вместе с Алла бабаем на облаке, и свесивши ноги, наблюдать за нами. Теперь я знала, что Алла бабай знает кто я такая- Хайруллина Асель, ведь мама, наверное, рассказала ему обо мне. Папа не любил говорить о маме: я помню, как эбика поругала папу за то, что он хотел выкинуть все фотографии с мамой.

– Разве так можно? Это ее мама! И у Айсель должны быть ее фотографии!

Я не понимала, почему папа хотел выкинуть все фотографии мамы: единственное объяснение, которое я находила, заключалось в том, что ему было больно ее вспоминать. Испугавшись, что потеряю даже фото, я спрятала альбом у себя под кроватью и, когда папы не было дома, доставала его и рассматривала фотографии: мама была очень красивой: черные кудрявые волосы, большие, очень большие, я бы даже сказала, огромные глаза над которыми аккуратно мерцали брови, немного вздорный носик и нежные губы. Иногда, когда папа смотрел на меня, я замечала, как не моргая, он замирал. Только спустя годы, он сказал мне, что каждый день, каждую секунду он видел во мне ее – свою любовь и свою нескончаемую боль.

Пока папа пропадал на работе, эбика учила меня всяким женским премудростям и посвящала меня в тайны, которые должна знать любая татарка. Она всегда говорила, что женщина должна чтить и любить своего мужа, всегда соглашаться с ним. Когда он приходит домой на столе всегда должна стоять тарелка токмача – горячего супа, приготовленного из домашней курицы, и заправленного домашней лапшой-токмач, которую должна уметь нарезать любая татарка. От эбики я узнала, что татарская женщина должна уметь печь бэлеш, очпочмак, пэрэмеч и делать чак-чак. После ее рассказов, в моей маленькой голове зародился образ вечно измученной татарской женщины, которая должна готовить и ублажать мужа. Эбика Назима, долго рассказывала про бабая Рахмана, ее мужа, отца моего папы. Бабая Рахмана я помню плохо – обрывками, так же, как и маму. С фотографий на меня всегда смотрел суровый, очень серьезный мужчина, в основном в окружении мужчин. Бабушка, рассказывая про бабая, всегда подчеркивала, что пока он был жив – она его чтит и уважала. Однажды, вновь вспоминая бабая, эбика снова стала рассказывать, как же она чтит своего мужа. Папа, который пил чай, вдруг расхохотался – происходило это очень редко, поэтому, когда такое случалось, мы старались с бабушкой ловить эти минуты счастья и тоже смеялись. В тот день он так хохотал после эбикиных слов, что та даже смутилась:

– Улым, что с тобой?

– Да, я вспоминаю моменты из своего детства – когда ты чтит папу. – Он снова громко засмеялся. – Как гаркнешь на него, аж у соседей было слышно. – Папа просто давился смехом.

– Ну вот что ты говоришь, Аллах с тобой, – эбика Назифа замахала на папу салфеткой.

Однажды, рассматривая старые альбомы, я прибежала на кухню, где эбика кормила моего папу обедом, и спросила у нее:

– А почему на фотографиях мужчины всегда сидят отдельно?

– Так принято, кызым. Когда проходит аш, сначала кормят мужчин, а женщины готовят, а потом уже, после того, как мужчины закончат молитву и отобедают, приходит время женщин.

– Разве это правильно? Женщины встают ни свет, ни заря, готовят, чтобы накормить мужчин, а потом убрать за ними? Разве женщины – это прислуга? – Я непринужденно посмотрела на эбику.

Как сейчас, помню: повисло молчание. Эбика бросила быстрый взгляд в сторону отца, который, выронив ложку, вскочил и вышел из кухни, тихо сказав: «Вся в мать».

Только сейчас, спустя годы, я понимаю смысл, который он вложил в эти слова. Пришло и понимание того, почему с самых ранних лет в мою маленькую головку постоянно вдалбливалось: «читать своего мужа», «уважать его и любить» – это то, чего не хватило моему папе в отношениях с мамой и то, без чего, как боялась эбика, могла остаться я, вырасти из меня своевольная стерва.

Тогда я очень расстроилась и расплакалась. Я не понимала, почему мой всегда добрый и нежный отец, повел себя так. Эбика меня успокоила: «Эти расстраивается, потому что ты пока немного глупенькая и не понимаешь кое-каких вещей. Но, ничего. Пока жива твоя эбика Назима, я сделаю все, чтобы из тебя выросла настоящая татарская жена». Я прикусила губу и не стала говорить эбике, что совсем не хочу быть той загнанной, уставшей, вечно готовящей татарской женой, но, чтобы не расстраивать ее, просто кивнула в ответ.

Эбика выполнила свое обещание: я умею готовить основные национальные блюда, и делать это так, чтобы бэлеш, всегда получался с бульоном внутри, а его самое лакомое место корочка от пирога (ее нижняя часть —тобен) была не пересохойшей, а кыстыбый был зажаренным, но не масляным. Только вот отличает от эбики меня то, что я, даже повзрослев, так и не научилась ЛЮБИТЬ готовить. Я до сих пор не понимаю почему так случилось: когда я готовлю и моей выпечкой, и супами восхищается муж и сын – меня это непременно радует, но не приносит ни капли удовольствия. Видимо, наслушавшись о правильной татарской жене, эбика напрочь отбила у меня желание ей стать.

В детстве, нашими соседями по лестничной площадке была супружеская пара: красивая Гульнара апа и ее муж Ильгиз абый. Вот только никак Гульнара апа не ассоциировалась у меня с той самой правильной татарской женой. Когда она – красивая и ухоженная, проплывала по двору, на высоких каблуках и всегда в стильном костюме, ее муж, с влюбленными глазами, всегда бежал за ней. Эбика Назифа, завидев эту парочку, цикала в их сторону.

Я никогда не пыталась спросить у эбики, а к какой категории татарской жены относится Гульнара апа. Но, моя всевидящая эбика, заметив мой интерес и горящие глаза при виде этой красотки-соседки, решила объяснить мне все заблаговременно, пока я сама что-нибудь себе не придумаю.

– Айсель, никогда не смотри на эту женщину.

– Почему?

– Она предательница.

– Она предала человека?

– Не человека, веру нашу предала. Посмотри, как она одевается, во что превратился ее муж. **В настоящего осла. Ведьма, не иначе! —Эбика Назифа строго настрого запретила мне восхищаться ей. А я все равно украдкой наблюдала за ее нарядами, за ее поведением, за ее манерой держаться.**

Когда мы встречались с ней в подъезде, она всегда широко и, как мне казалось, простодушно, улыбалась и здоровалась с нами. Но, эбика Назифа, только что-то бурчала в ответ и проходила мимо. Я видела, что Гульнара апа не обижалась, только продолжала улыбаться, правда уже грустнее, чем обычно. А однажды, я возвращалась из магазина и столкнулась с ней на лестничной площадке. Мы поулыбались друг-другу, а потом, она, немного замямвшись сказала: «Айсель, ты красотка. Ты должна знать, какая в тебе сила и мощь. Твоя красота может свернуть горы. Если станешь чуть посмелее, сможешь управлять кем захочешь».

Я застенчиво опустила глаза и тогда она сказала фразу, от которой я чуть не упала: «Ты маму не осуждай. Придет время, ты все поймешь и простишь ее». Я недоуменно посмотрела в лицо этой красивой и независимой женщины, и у меня подкосились ноги. Я хотела что-то сказать, но тут распахнулась наша дверь. Эбика Назифа высунула голову и, увидев нас вместе, резко открыла дверь настежь: «Айсель, ты что на другую планету летала? Давай быстрее, я

муку жду, мне тесто надо замешивать». Я бегом поднялась и зашла в квартиру. Мое сердце учащенно билось. Тук..тук..тук...

Эбика злилась на меня очень редко. Это был тот самый раз. Она забрала пакет и ушла на кухню. Я быстро сняла босоножки и, виновато, поплелась за ней. Было заметно, что она нервничает. Тесто прилипло в руках и никак не хотело замешиваться.

– Вот видишь, когда в человеке злоба сидит, даже тесто не замешивается! – Эбика зло бросила полотенце на стул.

– Эбика, – я присела на край стола и заглянула ей в глаза, которые она, явно от меня прятала.

– Что, кызым?

– Почему Гульнара апа сказала, что я когда-нибудь прощу маму? За что мне ее прощать? Я ведь на нее не злюсь? Я знаю, что она не виновата, что умерла. – Я сглотнула, подступавший к горлу ком.

Эбика вдруг перестала месить. Она посмотрела на меня: «Айсель, я же тебе говорю, эта женщина ведьма. Она мужа своего в осла превратила. Видела, какой он ходит – как будто сумасшедший. Никого не видит, кроме нее. И здесь какую-то чушь сказала. Конечно же, тебе не за что прощать маму». – Было видно, что бабушка продолжает нервничать. – Кызым, давай готовить губадью, хватит слушать и верить всякой чуши. —Было видно, что эбика хотела поскорее закончить этот разговор. Но, тогда я поняла, что эбика что-то скрывает: после нашего разговора целый день она ходила, как в воду опущенная.

Лето, которое я по обыкновению проводила с эбикой в деревне, всегда было для меня каким-то сказочным миром с темным погребом и эльфами, с пахнущими яблонями, терпкой вишней и клубникой, которую я обожала собирать ранним утром. В одно такое летнее утро, к нам в гости заглянула соседка Расима апа. Они долго шушукались и поглядывали на меня. Тогда мне стукнуло 15 – я расцвела и стала настоящей девушкой, которой не давали проходу парни. Папа это видел и очень сильно меня ругал, иногда так сильно, что даже эбика вставала на мою защиту. В тот летний день мне дали выпить какую-то жидкость, затем соседка долго читала надо мной молитву. Это потом, позже, я пойму, что так из меня хотели изгнать беса, который мог помочь мне свернуть с праведного пути. Почему они решили, что этот бес сидит во мне – я так и не поняла, но противиться не стала. Но, парни не переставали смотреть на меня меньше, я бы даже сказала, внимания с их стороны становилось все больше.

– Рустам, ты зачем на нее так кричишь. Бедная девочка. – Эбика поднимала руки над головой и начинала читать молитву, когда папа, в очередной раз наблюдавший, как я возвращаюсь со школы, завидев похотливые взгляды парней, начинал кричать с балкона. Сначала на них, потом уже на меня.

– А потому что ни один парень мимо не проходит, не посмотрев на нее. – В такие минуты папа становился неуправляемым, он рвал и метал.

– А что ты хотел? Она красивая девушка. – Эбика уводила меня в другую комнату, чтобы я не видела гнева отца.

Остальной разговор я слышала, прижавшись ухом к двери комнаты.

– Рустам, ты должен себя контролировать. Ты что на нее паранджу надеть хочешь?

– А что если и надеть? Зато не будут эти похотливые мужики на нее глазеть! – Папа, понимая, что это невозможно, да и не наденет он на меня никакую паранджу, хватал куртку и вылетал из дома. В такие дни возвращался он за полночь.

Но, по классике жанра: когда ты пытаешься уберечь близкого человека от какого-то поступка, эта поступок, как магнит притягивается к тому, кого ты так упорно пытался спасти. В нашей семье случилась катастрофа (именно так сказал папа эбике, когда узнал о том, что произошло в жизни его дочери).

А началось все, когда я заканчивала институт. Я училась на факультете востоковедения. Папа мечтал, чтобы я уехала в Саудовскую Аравию, нашла себе там мужа и, надев паранджу, рожала бы детей. Факультет, конечно, мне понравился. О том, что у меня совершенно иные планы – папе я не сказала. Но, съездила на стажировку в ОАЭ. Вернулась под впечатлением от красоты, чистоты и богатства этой страны. Когда чемоданы вместе со мной были возвращены на Родину – эбика сказала, что папа, который так хотел, чтобы я уехала на ПМЖ в ОАЭ, места себе не находил и показала, спрятанный в его прикроватной тумбочке календарик, в котором он вычеркивал каждый день после моего отъезда. Сердце сжалось от любви и жалости к папе. А ведь он так и не женился больше, хотя мог: статный, высокий, симпатичный, улыбочивый, работающий. Он всю жизнь работал инженером на одном заводе – дело свое любил, никогда не жаловался. Он, как будто заживо похоронил в себе чувства и не давал им выйти на волю.

– Вот видишь, кызым, как он переживал, пока тебя не было. А представляешь себе, если ты уедешь? Я тогда его немного подколола – видела бы ты его реакцию. Он сказал, что и здесь много хорошей работы. – Эбика Назима рассмеялась.

Я не стала делать выбор – понимала, что оставить папу и эбику здесь, а самой навсегда уехать – я не могла. Они были моей семьей. К окончанию института я, как говорила наша соседка Гульнара апа, превратилась в сочную ягоду. Кстати, муж-осел пропал, а вместо него появился высокий молодой человек, который частенько стал заглядывать к ней домой и оставаться на ночь. Эбика была в ярости – обещала, что повесит плакат на первом этаже подъезда. Когда я спросила, о чем же будет плакат, эбика сплонула и ушла. Тогда я скрыла улыбку на лице. Какая же она, все-таки, ранимая и честная, моя эбика. Я повзрослела и теперь все прекрасно понимала. Сейчас мне никто не мог запрещать общаться с Гульнарой, и я была этому несказанно рада.

Конечно, я не считала себя сочной ягодой, скорее, немного подсушенной: узкие бедра, почти полное отсутствие пятой точки и груди. Но, лицо —то самое лицо, которое смотрело на меня со всех фотографий, лицо, на котором так часто залипал отец. Волосы, непослушной копной спускались мне на плечи: кудри свои не любила, поэтому на втором курсе просто их отстригла. Знала, что могу довести эбику до инфаркта, поэтому, убрала немного длину до плеч, выпрямив пряди. Алая помада очень шла к моим зеленым глазам и черным волосам. Я чувствовала, как во мне зарождается протест, правда к чему именно, я не сразу поняла, но свободу от предрассудков и узости религии, мои близкие воспитали во мне сполна.

Слава Всевышнему и моему просвещенному уму – я осталась нормальным человеком, с нормальной психикой, даже после всех лет, которые были наполнены «почтением и уважением к мужу своему», «татарской скоромной жене», «полным отсутствием мужчин среди друзей и знакомых». Я не знаю, почему все нравоучения эбики не сделали из меня тихую и застенчивую девушку, которая боится поднять глаза на мужчину, поэтому, после окончания преддипломной практики в одной крутой компании, в тот самый последний день, за обедом ко мне подсел человек. Мужчина. Красивый. На удивление, мне стало стыдно, и я опустила глаза.

– Привет.

– Привет. – Я продолжала помешивать суп в тарелке, заливаясь пунцовой краской. Черт, я же думала, что отношусь к категории свободных и ничего не боящихся особ. А на деле, черт бы побрал, из меня вылезла та «татарская преданная жена». И я уже два раза вспомнила черта.

– Я Андрей.

– Айсель.

– Да, я знаю.

Повисло молчание.

– Знаешь, я увидел тебя еще когда ты только пришла к нам на практику. Хотел подойти в самом начале, но суровый взгляд твоего постоянного телохранителя останавливал меня. – Парень засмеялся.

И я тоже. Как дура – прыснула со смеху.

– Это мой отец.

– Я так и понял. – Он посмотрел на меня той честной и искренней улыбкой, которая говорит за человека все и даже больше.

Айсель подняла глаза и встретилась с его самыми добрыми глазами на свете.

– Сегодня узнал, что у тебя последний день, поэтому, собравшись с духом, решил подойти.

– Что же такого страшного?

– Я ужасно боюсь твоего отца. Даже не представляю, как тебя отпросить на свидание?

И снова этот взгляд.

– Не надо ни у кого ничего спрашивать. Я согласна.

И это было не последнее СОГЛАСНЫ в нашей с ним истории. Папа, ничего не подозревавший о начальнике с небесно-голубыми глазами, раструбил всем родственникам и соседям о том, что его дочь взяли в крупную компанию. Нет, я, конечно, тоже была горда собой, но знала, каким взглядом каждый день меня встречает этот прекрасный дьявол – и мне было стыдно. Я знала, что не делаю ничего плохого, но вот то, о чем я думала – было просто ужасным. Я старалась закрыться, уйти, зарыться в работу – только бы не видеть и не слышать его. После работы я мчалась домой. Конечно же, ни на какое свидание с ним я не пошла. О чем речь? Я же едва его знаю. Со временем, проработав в компании почти 6 месяцев, немного расслабилась: вот тогда-то он меня и поймал.

Я вышла с работы немного позже обычного, как всегда, предупредив об этом папу и эбику Назифу. На улице была золотая осень: я решила немного пройтись. Прямо передо мной резко затормозила машина. И сердце ушло в пятки. Я прекрасно знала, чей это автомобиль.

– Айсель, уже поздно и опасно. Разрешите, я подвезу вас домой? – Он смотрел на меня своими бездонными голубыми глазами и как будто гипнотизировал. По коже пробежали мурашки.

Я стояла, как вкопанная и не могла пошевелиться.

Он продолжал смотреть на меня, не отрываясь.

– Ну как? Согласна? Мне кажется, 3 месяца практики, и еще 6 месяцев работы – это хорошая проверка для меня.

Я кивнула в ответ. И этим дала ему полное согласие на то, чтобы он проник, пролез, протиснулся, влился в каждый сантиметр моей жизни. Сейчас я понимаю, что именно он пробудил во мне женщину, открыл двери в настоящую жизнь, полную эмоций, чувств и желаний. И, да, я ему благодарна. Бесконечно. Даже несмотря на то, что это пробуждение во мне настоящей женщины, меня и погубило. Но, обо всем по порядку.

Андрей не делал никаких шагов – он просто стал каждый день провожать меня до дома: ни намеков, ни прикасаний, ни приглашений. Он просто возил меня каждый день домой – ровно 6 месяцев. А потом, в один из таких дней, когда мы, в очередной раз, подъехали к моему дому – и я увидела, что папа стоит и смотрит на машину в упор, – Андрей спокойно вышел из нее, и подойдя, к моему отцу, протянул ему руку и сказал: «Я Андрей. Руководитель предприятия, на котором работает ваша прекрасная дочь. И я хочу на ней жениться».

Мир рухнул – я видела глаза отца, мои руки тряслись, я просто потеряла дар речи. Я даже и предположить не могла – что мой начальник может так поступить.

Позже, когда мы уже были женаты не один год, мой супруг ответил, что увидя меня, и немного изучив мое поведение и повадки, он понял – что единственный шанс — это тихо и ненавязчиво научить меня привыкнуть к нему – просто привыкнуть, больше ни шага – иначе

все – испуганная девушка навсегда исчезнет из его жизни. На вопрос, почему он выбрал именно такую тактику в отношении отца – Андрей, смеясь сказал, что, единственная стратегия, которая могла бы подействовать на моего отца – это мгновенное нападение. В тот вечер мой папа, действительно, не знал, что сказать. Зато, когда черная машина отъехала от дома, Айсель побежала в подъезд, чтобы укрыться от гнева отца под крылом эбики Назифы.

В тот вечер папа наговорил мне столько обидных слов, что после этого хотелось собрать сумки и уехать.

– Не смей на нее кричать! – Эбика закрывала меня собой.

– Она превратилась в шлюху! – кричал отец.

– Замолчи, замолчи, – эбика начала калашматить моего отца, чего раньше я не видела. – Он попросил ее руки! Это благородно! – Эбика закрыла меня в комнате. Потом все стихло – только хлопнула входная дверь. Ушел. Снова ушел.

Я прорыдала всю ночь, а эбика сидела рядом. Правда, когда она зашла ко мне в комнату, ее лицо было сурово, и я понимала, о чем она хочет меня спросить.

– Кызым, скажи мне все честно.

– Да что говорить-то? Я сама в шоке. – Я продолжала рыдать. – Полгода назад он попросил разрешения подвезти меня, так как было поздно. И с тех пор, он просто каждый день, вечером подвозил меня до дома. Мы общаемся на работе, он очень помогает мне. Он добрый и отзывчивый, а еще заботливый. Он даже до руки моей не дотрагивался никогда. Эбика, поверь мне. А вот сегодня – для меня это было шоком. Я даже предположить не могла, что он решится просить моей руки. Он ждал ровно год. И папа это видел, и ты видела.

– Он очень красив, интеллигентен. Кызым, плохо только одно, – эбика посмотрела на меня, и я даже без слов поняла, о чем, она хотела сказать. Плохо было то, что его звали Андрей, а не Махмут или Ильсур. И я знала это не хуже нее.

И, если бы моя история была из разряда мыльных опер о страданиях девушки, влюбленной в парня, которого любить было нельзя, то следующие страницы были бы посвящены описанию оных, одиночеству и проклятиям в адрес своего отца, сломавшего единственной дочери жизнь. Но, я решила по-другому и в один из вечеров, когда Андрей снова подвез меня до дома, тогда мы уже с ним разговаривали обо всем на свете, смеялись и понимали друг друга с полуслова, я даже разрешила ему держать меня за руку – в тот самый вечер – я решила, что готова выйти за него замуж. Сейчас, спустя годы, иногда в мою голову приходит мысль о том, что сделала я это не из большой любви к Андрею. Да, это звучит ужасно, но, правдиво. Скорее всего, я поступила так, движимая какой-то невидимой внутренней силой – пойти наперекор, сделать хоть что-то в этой жизни так, как хотела я. Хотя, тогда я и не знала, чего хотела. В свои 23 я не понимала, что такое сексуальность, чувственность, страсть, хотя моя физиология говорила об обратном. И никто даже предположить не мог, что лет с 16 я мастурбировала. Да, запиралась в туалете и прямо на унитазах занималась этим делом. Тогда, после каждого такого акта, я подолгу плакала, потому что не понимала, почему это со мной происходит – я боялась, что я чем-то больна. Но, интернет просветил и даже немного успокоил меня – это не бес, и не какое-то заболевание – это просто естественный процесс, которого не стоит бояться. Так вот в тот самый вечер, сидя в его машине, я резко поцеловала его в губы и сказала: «Я хочу выйти за тебя замуж. Но, тебе придется справиться с моим папой». Тогда Андрей был немного ошарашен, но и рад не меньше. В тот вечер домой я пришла не одна. Папа смерил моего ухажера надменным взглядом, а бабушка Назифа пригласила в дом. Чтобы хоть как-то разрядить обстановку, эбика без умолку говорила, задавала вопросы, и спрашивала – спрашивала, и снова спрашивала, как только в комнате повисала тишина.

Андрей был старше меня на 7 лет. Мне было 23, ему 30. Но, возраст был не единственной преградой, и мы оба это знали.

Папа не стал долго думать и прямо в этот же вечер спросил: «А что будет, когда родятся дети?» Мы оба опешили, Эбика нервно засмеялась, а отец продолжал напирать: «В церковь мы не пойдем, и детей крестить не будем.» – Он был очень напряжен и постоянно перебирал руками салфетку. Повисшее молчание нарушил Андрей: «Мы не будем крестить детей. Когда они вырастут- они сделают выбор сами». После слов Андрея повисло гробовое молчание: тогда я поняла – или папа примет его, или я уйду с ним. Я не знаю откуда во мне появилось это несогласие, это бунтарство – я не была безумно влюблена в Андрея – я это признаю, только позже, спустя какое-то время, я его полюбила, привыкла к нему, стала уважать и прислушиваться, а тогда я знала – что, если отец прогонит его из нашего дома, я уйду вместе с ним.

– Вы, вот так вот просто заявляетесь ко мне в дом и просите руки моей единственной дочери? – Папа посмотрел на Андрея, а потом перевел свой взгляд на меня. – А ты готова выйти замуж за русского?

– Рустам . . . – Эбика Назифэ хотела что-то сказать, но отец смерил ее недобрим взглядом, и она замолчала.

– Я люблю вашу дочь и хочу дать ей достойную жизнь. Я не собираюсь ее ни к чему принуждать. Для меня Бог един – я думаю он один, там на небесах, никак не двое. Я полюбил Айсель, как только она пришла к нам в организацию. С первого взгляда. Она была неприступная, закрытая, она молча работала и уходила домой. И только спустя 6 месяцев, в конце практики, я осмелился заговорить с ней – потому что не хотел потерять ее, ни как девушку мечты, ни как способного сотрудника, – Андрей продолжал говорить, а мы все замороженного его слушали. – Тогда она сухо, но понятно дала знать, что готова работать и больше ничего. И я это понял. Она проработала у нас еще 6 месяцев. Но, потом я начал понимать, что меня все больше и больше волнует эта неземная красота. И тогда я решился попроситься ее проводить. Просто подвести —я понимал, что если она меня отошлет – то это конец. И еще 6 месяцев я просто подвозил ее до вашего дома, каждый день. Иногда мы даже не разговаривали. И когда я окончательно понял, что хочу на ней жениться – только тогда я осмелился переступить порог вашего дома. – Андрей замолчал, продолжая смотреть на моего отца.

Папе, по натуре, добряку, было сложно держать оборону неприступного хозяина и он, как мне показалось, смягчился.

– Андрей, спасибо Вам за вашу честность. Я вижу, что вы правильный человек, хоть и другой веры. . . но именно вера останавливает меня. Я никогда не дам согласие. – Эти слова, как гром среди ясного неба, обрушились на мою голову. Не помню всего, что произошло потом, но я вскочила и закричала: «Я все равно уйду с ним, хочешь ты этого или нет». – Я бросилась в комнату – стала собирать вещи. Слезы просто душили меня. Эбика Назифэ зашла за мной следом: «Кызым, пожалуйста, успокойся».

– Нет. Я ухожу.

– Он уехал. – Слова эбики больно ударили по ушам. Я подошла к окну – его черная машина вырুলивала из двора. – Я опустилась на кровать.

– Кызым, – эбика подошла ко мне и стала гладить меня по волосам.

– Эби, уйди, пожалуйста. Прошу. Мне надо побыть одной. – Я сказала это тихо, но видимо так настойчиво, что эбика встала и вышла из комнаты, прикрыв за собой дверь.

Рустам сидел в кресле. Он делал вид, что пытается сосредоточиться на чтении газеты, но его глаза от ужаса не могли попасть в строчку.

– Не боишься сломать своей дочери жизнь? Как глупо и низко. А ведь такого хорошего человека можно больше и не встретить. – Эбика Назифэ вышла из комнаты, оставив отца, наедине со своими мыслями.

Я приняла душ. Я не могла понять – почему после красноречивых слов, он просто взял и уехал. Смска пришла около 11 ночи: *«Давай дадим ему время подумать и принять. Тогда и тебе самой будет легче. Люблю».*

Я прочитала смс и улыбнулась – он не бросил, он просто поменял тактику. Ум и пытливость Андрея, его просчеты на шаг вперед – все это завораживало меня и тянуло к нему еще больше. Утром, когда я собиралась на работу, эбика Назифэ зашла ко мне в комнату: «Айсель, прошу тебя, кызым, только не убегай». – В ее глазах было столько страха и боли, что мне захотелось обнять ее и прижать к себе.

– Эбием, куда я убегу! – Я обняла ее, и мы простояли так несколько минут.

Религия – это благо для народов, но иногда идиотизм для отдельно взятого человека. Мой отец так и не захотел понимать, почему его дочь выбрала не мусульманина, а православного. Он так и не дал нам согласия. Я купила сумку, собрала туда свои вещи и покинула дом.

– Эби, прости меня, что оставляю тебя. Как будет возможность, я тебя заберу.

– Ты что кызым, куда я поеду? Рустама я не оставлю, он мой сын. Поверь, ему сейчас так же тяжело, как и тебе.

Холостяцкая, но выполненная в светлых и современных тонах, квартира Андрея, пришлось мне по вкусу. Только в тот самый день, когда я покинула отчий дом и ушла в самостоятельное плавание, я поняла, что жизнь с мужчиной предполагает много того, чего у меня не было в прежней жизни. И если подготовленная татарская жена – жила во мне уже давно, подготовленная и вооруженная рецептами, уборками, стиркой и секретами приготовления токмача, но сексуальная жизнь казалась мне чем-то сериальным и наигранным. Андрей видел это, поэтому не торопил меня. Он так мне и сказал: «Я не буду на тебя давить. Но, прошу не затягивай».

Уже на следующий день после работы я помчалась в магазин нижнего белья. Я вообще не любила такие магазины: я всегда украдкой смотрела на витрины, но если заходила покупать нижнее белье, то делала это быстро: брала телесный, белый и черный бюстгальтер и шла в примерочную. Все попытки консультанта проникнуть туда и «посадить белье более выгодно на мое тело» пресекались на корню. Как только я слышала приближающиеся шаги, я говорила, что помощь мне не нужна, я уже выхожу. Да, и дорогие трусы я там тоже никогда не брала. Меня всегда поражали покупательницы, которые вместе с консультантами долго и громко обсуждали в открытой кабинке, какой лиф смотрится красивее на «этой потрясающей груди». Может, я была, конечно, ханжой, но такие разговоры просто убивали меня. А сегодня, я подошла не к белому повседневному лифу. Точнее я подошла к черному, но стала рассматривать то, что висело рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.